

Чтобы стать хорошим хозяином

Девочка в школьной форме читает «Правду». Удивительно? Нет, так и должно быть. Не продет и год, как эта десятиклассница вольется в многочисленную семью строителей коммунистического общества в нашей стране. Ей и ее товарищам, сидящим сейчас за партой, придется претворять в жизнь принятую ХХII съездом партии программу коммунистического строительства. Это большое счастье! Но и большая ответственность: чтобы стать хорошим хозяйством своей страны, надо хорошо усвоить политику Коммунистической партии и Советского государства, знать, чем живет страна и какие задачи в данный момент являются самыми неотложными, быть всегда в курсе всех событий. Вот почему ребята так внимательно склонились над газетами.

Началось это с пятым классом. По предложению учителя все подписались на «Пионерскую правду». По пять минут на уроках истории отводилось на обзор пионерских ковшов. А в 7 и 8-м классах их настольными газетами стали ежедневная «Шахтерская правда» и областная «Кузбасс». Ученики следили за трудовым ритмом индустриального Кузбасса.

В 9-м классе ребята переключились на «Комсомольскую правду». Их стало интересовать вопросы культуры, дела и подъема молодого поколения. Сейчас они учатся в детском и все высчитывают «Правду».

Учащиеся в специальных тетрадях ведут хронику событий. Скачала это пионерская, комсомольская, а потом и международная хроника. В тексте В. ВОЙТЕНКО.

БЫВАЕТ, оглянусь назад и подумают: нет, ни за что не добиться бы мне того, чего добился, если бы не Советская власть.

В самом начале Отечественной войны во время эвакуации, я потерял родителей. Кажется, куда мне, малчишке, податься, если за плечами всего восемь классов средней школы? Но разве мало у нас добрых людей? Помогли, подсказали: или-ка ты в школу трудовых резервов. Через год я окончил ее, пошел вальновщиком в сортопрокатный цех Кузнецкого комбината, где и работал по сей день.

Принес я в большой рабочий коллектив, огляделся и понял: надо учиться продолжать. А тут как раз в 1951 году у нас прямо в цехе, в красном уголке, открыли курсы для тех, у кого были

Путь к знаниям

большой перерыв в учебе. Много пришлось потрудиться нашим преподавателям, чтобы мы, восстановившие знания — прежде всего по математике и русскому языку. Окончил я курсы и поступил в девятый класс вечерней школы.

Настал день, когда десятилетка осталась позади. И вот тут — как об этом не рассказать? — вот тут, может быть, особенно ярко проявилась забота нашего государства о том, чтобы такой простой рабочий, как я, вымышил свое образование: за успехи в учебе меня наградили и дирекция школы, и дирекция комбината.

А дальше — заочное отделение Сибирского металлургического

Б.

ВОЙКО,

мастер стапа «750»

сортопрокатного цеха КМК.

Дело всей жизни

...Ослепительно белы м. блохи вокруг. Полярные перелески и рощи тонут в голубоватых сугробах.

Тролль бежит мимо струйных сбесов и раздышливых елей. Тишина. Лишь временами из зеленых ветвей соскальзывают ложматые охапки снега и с легким щелчком падают вниз.

Мы с Нестером Евдокимовичем идем в глубину леса, где виднеются строения летнего пионерского лагеря. И хоть давно отзвались здесь горны, ребяташки помнят лагерь и нередко приходят сюда из города навестить девушку Дегтяренко, послушать о том, как он завоевывал Советскую власть, как бились с врагами забастовавшие шахтеры Судженска. На том месте теперь буйно разросся зеленый парк, посаженный в память отцов комсомольцами 20-х годов.

Нестер Евдокимович сухощав и подвижен. Он выглядит моложе своих 70 лет. За его плечами большая жизнь, у него завидная судьба.

Еще в прошлом веке, когда пристрой коммунизма едва начинал брить по Европе, отец Нестера Евдокимовича отмерил в кандалах тысячу верст от родной Черниговщины до Тобольска. Угодил в сибирскую глуши он за участие в разгроме усадьбы помещика, за бунт против вековой несправедливости. Он добился равенства и братства для каждого трудового люда.

Сам же Нестер Евдокимович впервые услышал эти слова в окопах первой мировой войны, а на дне увидел и почтествование на Суджанском руднике, в 1917 году. Здесь его избрали в первый Совет. Это тот самый Совет, телеграмма которого послужила В. И. Ленину поводом для

написания гневной статьи «Еще одно преступление капитализма». А соведомцы тем временем направляют в Петроград свою делегацию во главе с известным большевиком Михаилом Рабиновичем с намазом добиться национализации копей. И 11 мая 1918 года Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин) подписал такой декрет.

Красногвардейский отряд, работа в губке, борьба с бандитами, подполье — все прошлое Дегтяренко.

Перебраем год за годом большую жизнь старого шахтера. Вот они, эти годы, как на ладони. Несколько лет подряд Нестер Евдокимович является депутатом горсовета, от Томского округа Сибирского края он в 1927 году едет делегатом на 13-й Всероссийский съезд Советов, где избирается членом ВЦИК РСФСР.

1929 год. Он делегат пятого Всероссийского и 14-го Всероссийского съездов Советов.

Нестер Евдокимович сухощав и подвижен. Он выглядит моложе своих 70 лет. За его плечами большая жизнь, у него завидная судьба.

Еще в прошлом веке, когда пристрой коммунизма едва начинал брить по Европе, отец Нестера Евдокимовича отмерил в кандалах тысячу верст от родной Черниговщины до Тобольска. Угодил в сибирскую глуши он за участие в разгроме усадьбы помещика, за бунт против вековой несправедливости. Он добился равенства и братства для каждого трудового люда.

Сам же Нестер Евдокимович впервые услышал эти слова в окопах первой мировой войны, а на дне увидел и почтествование на Суджанском руднике, в 1917 году. Здесь его избрали в первый Совет. Это тот самый Совет, телеграмма которого послужила В. И. Ленину поводом для

написания гневной статьи «Еще одно преступление капитализма». А соведомцы тем временем направляют в Петроград свою делегацию во главе с известным большевиком Михаилом Рабиновичем с намазом добиться национализации копей. И 11 мая 1918 года Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин) подписал такой декрет.

Красногвардейский отряд, работа в губке, борьба с бандитами, подполье — все прошлое Дегтяренко.

Перебраем год за годом большую жизнь старого шахтера. Вот они, эти годы, как на ладони. Несколько лет подряд Нестер Евдокимович является депутатом горсовета, от Томского округа Сибирского края он в 1927 году едет делегатом на 13-й Всероссийский съезд Советов, где избирается членом ВЦИК РСФСР.

1929 год. Он делегат пятого Всероссийского и 14-го Всероссийского съездов Советов.

Нестер Евдокимович сухощав и подвижен. Он выглядит моложе своих 70 лет. За его плечами большая жизнь, у него завидная судьба.

Еще в прошлом веке, когда пристрой коммунизма едва начинал брить по Европе, отец Нестера Евдокимовича отмерил в кандалах тысячу верст от родной Черниговщины до Тобольска. Угодил в сибирскую глуши он за участие в разгроме усадьбы помещика, за бунт против вековой несправедливости. Он добился равенства и братства для каждого трудового люда.

Сам же Нестер Евдокимович впервые услышал эти слова в окопах первой мировой войны, а на дне увидел и почтествование на Суджанском руднике, в 1917 году. Здесь его избрали в первый Совет. Это тот самый Совет, телеграмма которого послужила В. И. Ленину поводом для

Международная жизнь

К переговорам о прекращении испытаний ядерного оружия ЗАЯВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

В связи с возобновлением в Неве переговоров о прекращении испытаний ядерного оружия, Советское правительство сделало заявление, в котором с удовольствием отмечает, что новые предложения Советского Союза по вопросу о прекращении испытаний ядерного и термоядерного оружия по достоинству оценены народами всего мира. Все те, кто заинтересован в упрочении мира, справедливо увидели в этих предложениях практическую возможность без промедления положить конец всем видам испытаний ядерного оружия.

Однако, как указывает в заявлении Советского правительства, со своей стороны, заявляя, что оно не может «связать себя обязательством не проводить или не поддерживать проведение дальнейших ядерных испытаний», правительство Франции до сих пор не выразило готовности принять на себя обязательство не проводить таких испытаний.

Советское правительство со всей твердостью заявляет, что если западные державы будут

продолжать испытания ядерного оружия, в том числе и под землей, то Советский Союз будет вынужден в целях обеспечения своей безопасности проводить такие испытания ядерного оружия, какие он считает необходимыми для укрепления своей обороноспособности.

Хотелось бы верить, говорится в заявлении Советского правительства, что здравый смысл поддержит все же вверх в руководящих кругах западных держав и они станут, наконец, на путь, ведущий к прекращению опасной игры в ядерные испытания, на путь заключения соглашения о запрещении навечно таких испытаний, как это предлагает западным державам Советский Союз.

Претворение в жизнь новых советских предложений позволит бы в значительной мере оздоровить международную обстановку и создать благоприятные условия для скорейшего решения главной проблемы наших дней — проблемы всеобщего и полного разоружения. Тем самым был бы внесен ценный вклад в дело сохранения и упрочения мира на земле.

(ТАСС).

ГАВАНА, 3 декабря. (ТАСС). Вечером 1 декабря премьер-министр Фидель Кастро выступил в Народном университете. Его патристическая речь, транслировавшаяся по радио и телевидению, была посвящена вопросу о создании единой партии социалистической революции.

Фидель Кастро подробно остановился на основных этапах революционной борьбы на Кубе, завершившей установлением народной власти, дал характеристику основным революционным организациям страны, их деятельности и развития, обосновал необходимость их объединения и создания единой марксистско-ленинской партии, без которой нельзя строить социализм. Он заявил, что идеальным правительством может быть лишь правительство революционной партии с колективным руководством, что программа единой партии революции будет отвечать объективным сложившимся в стране условиям.

После этого как будто изменился на пути к обединению революционных сил, и на вопрос о диктатуре пролетариата Кастро перешел непосредственно к характеристике создаваемой партии, которая, как он сказал, должна быть крепкой, дисциплинированной и стойкой политической организацией, авангардом рабочего класса и кубинской революции.

Остановившись далее на трудах, имевшихся на пути к обединению революционных сил, и на вопросе о диктатуре пролетариата, Кастро перешел непосредственно к характеристике создаваемой партии, которая, как он сказал, должна быть крепкой, дисциплинированной и стойкой политической организацией, авангардом рабочего класса и кубинской революции.

Кастро сказал, что пока еще официально партия не создана, но база для ее создания, заложена обединением революционных сил, включая вспомогательные организации Б. И. Ленина, как теоретика и как руководителя. Сама программа продолжается развитие марксизма, сказала Кастро. Доказательством этого является развитие марксистской теории, единственно правильной, что многое из того, что мы сделали в революции, относительно было наименее изобретательным.

После этого как будто изменился на пути к обединению народной власти, и Кастро отметил, что именно в этой борьбе формируются кадры, которые затем становятся во главе управления страной.

Анализируя затем ход борьбы за завоевание народной власти, Кастро отметил, что именно в этой борьбе формируются кадры, которые затем становятся во главе управления страной.

Далее Кастро подробно разобрал процесс становления революционной власти на Кубе

— это подлинный политический трактат, которым начинается осуществление совершенно новой задачи — задачи строительства коммунизма.

Коснувшись затем вопроса о независимой гибели капитализма, Кастро заявил: нужно иметь в виду, что нет середини между капитализмом и социализмом: тот, кто пытается найти третью позицию, становится на гравийный и утопический путь.

Далее Кастро подробно разобрал процесс становления революционной власти на Кубе

— это подлинный политический трактат, которым начинается осуществление совершенно новой задачи — задачи строительства коммунизма.

Кастро сказал, что пока еще официально партия не создана, но база для ее создания, заложена обединением революционных сил, включая вспомогательные организации Б. И. Ленина, как теоретика и как руководителя. Сама программа продолжается развитие марксизма, сказала Кастро. Доказательством этого является развитие марксистской теории, единственно правильной, что многое из того, что мы сделали в революции, относительно было наименее изобретательным.

После этого как будто изменился на пути к обединению народной власти, и Кастро отметил, что именно в этой борьбе формируются кадры, которые затем становятся во главе управления страной.

Анализируя затем ход борьбы за завоевание народной власти, Кастро отметил, что именно в этой борьбе формируются кадры, которые затем становятся во главе управления страной.

Далее Кастро подробно разобрал процесс становления революционной власти на Кубе

— это подлинный политический трактат, которым начинается осуществление совершенно новой задачи — задачи строительства коммунизма.

Кастро сказал, что пока еще официально партия не создана, но база для ее создания, заложена обединением революционных сил, включая вспомогательные организации Б. И. Ленина, как теоретика и как руководителя. Сама программа продолжается развитие марксизма, сказала Кастро. Доказательством этого является развитие марксистской теории, единственно правильной, что многое из того, что мы сделали в революции, относительно было наименее изобретательным.

После этого как будто изменился на пути к обединению народной власти, и Кастро отметил, что именно в этой борьбе формируются кадры, которые затем становятся во главе управления страной.

Анализируя затем ход борьбы за завоевание народной власти, Кастро отметил, что именно в этой борьбе формируются кадры, которые затем становятся во главе управления страной.

Далее Кастро подробно разобрал процесс становления революционной власти на Кубе

— это подлинный политический трактат, которым начинается осуществление совершенно новой задачи — задачи строительства коммунизма.

Кастро сказал, что пока еще официально партия не создана, но база для ее создания, заложена обединением революционных сил, включая вспомогательные организации Б. И. Ленина, как теоретика и как руководителя. Сама программа продолжается развитие марксизма, сказала Кастро. Доказательством этого является развитие марксистской теории, единственно правильной, что многое из того, что мы сделали в революции, относительно было наименее изобретательным.

После этого как будто изменился на пути к обединению народной власти, и Кастро отметил, что именно в этой борьбе формируются кадры, которые затем становятся во главе управления страной.

Анализируя затем ход борьбы за завоевание народной власти, Кастро отметил, что именно в этой борьбе формируются кадры, которые затем становятся во главе управления страной.

Далее Кастро подробно разобрал процесс становления революционной власти на Кубе

— это подлинный политический трактат, которым начинается осуществление совершенно новой задачи — задачи строительства коммунизма.

Кастро сказал, что пока еще официально партия не создана, но база для ее создания, заложена обединением революционных сил, включая вспомогательные организации Б. И. Ленина, как теоретика и как руководителя. Сама программа продолжается развитие марксизма, сказала Кастро. Доказательством этого является развитие марксистской теории, единственно правильной, что многое из того, что мы сделали в революции, относительно было наименее изобретательным.

После этого как будто изменился на пути к обединению народной власти, и Кастро отметил, что именно в этой борьбе формируются кадры, которые затем становятся во главе управления страной.

ПОПУТЧИК

РАСКАЗ

А ВГУСТОВСКИЙ погожий день клонился к вечеру. Я сидел на подножке автомашины. В кузове, покрахьтывая и покривавая, орудовали грузчики — укладывали ящики с водкой. Покрутивая, я глядел на прохожих, а в голове держалася одна мысль: экспедитора нет, на дворе уже вечер, невесело ехать одному. Не то, чтобы я бы был пристрастен к водке, но соглашь было велико. Удержусь ли?

Человек подошел тихо, молча. Я даже не слышал шагов, а когда повернулся, увидел его прямо перед собой.

— Здравствуйте! — сказал он и пристально посмотрел на меня серыми, вприщур, глазами. — До Орловки не довезете?

Я, не раздумывая, ответил:

— Довезу. Устраивайте чемоданы в кузов, а сами садитесь в кабину. Сейчас поедем.

От базы радиотелефона путь лежит через небольшой и тихий городок. Ехали мы молча. И вдруг перед поворотом, где кончается асфальт и начинается мокшая дорога, попутчик вскрикнул:

— Сбавьте скорость! Впереди круговой поворот!

Я взглянулся на него. Человек был бледен. Когда поворот остался позади, он откинулся на спинку сиденья, тяжело вздохнул и прикрыл потухшие глаза.

Почему-то я старалася не глядеть на его сторону, но голова, словно под гризом, повертывалася сама к нему. Теперь этот странный человек сидел с открытыми глазами, смотрел в окно и молчал. На чисто выбритом лице бледности не было. Ни левый щеке, от рта к мочке уха, розовый, с темно-синими отливом старый шрам. От глаз отходили мелкие, лучистые морщинки. Виски подернуты сединой. Неужели так и будет этот приятель молчать весь путь? Как будто услышав это, он спросил:

— В Орловку во сколько приедем?

— К закату дотаем. Можно бы и раньше, да груз у меня опасный — вода! Нажмешь вода будет много. А двом — двух бутылок, думаю, хватит. — ответил я и улыбнулся.

Лицо его непринужденно дрогнуло.

Партийность моя

Все, что творю я во имя жизни, Каждый шаг моего бытия Всех стоит на пути к коммунизму. В этом есть партийность моя. Нет у сознания с сердцем разлада,

Прочно селились, прочнее литья, Труд и искусство,

«Хочу» и «Надо». Вот какова партийность моя. Мчится ракетой мечта поэта В космос, в лирические края, В бухты грядущего,

полные света.

В. ЛЕНСКИЙ, слесарь.

огрубелому сердцу детские ручки прикоснулись — отогрели, обласкали. А женя — Маша — сидит рядом, легонько вздрагивает, как листок бересклета при ветерке, и в глазах у нее превеликое счастье. Отдохнул немножко, поправил кое-что в хозяйстве. Потом в автотротуар устроился. По этим же дорогам ездил и вот тут же у родничка остановился.

Он смолк и, полуопирясь гла-за, задумался. Через минуту продолжал тихо, с трудом подыскивая слова:

— Как об'яснять то, с чего началось? Ведь если не вникать в суть, то все очень просто: свернулся человек с хорошим на плохой путь и покатился... И видели люди, а не одноруки, не пристыдили боярем... Вроде, мол, неудобно! Фронточки, человек заслуженный и производственный хороший... Чего еще надо?

— Одним словом, втянулся в эту вот самую, трижды проклятую!

— И он показал на кузов автомашины. — Сначала вроде самую малость, как говорится, для подогрева. Особо — в зимнее время. А потом замял... Деньги дурные появились: от пассажиров, от «левых» заездов на близкое расстояние. Тут и пошло, закрутилось... В гараж, понятно, сильно пыльным не проникал. Домой на пути — заеду, прослюшил и дальше... Вот так прошло около трех лет. И ничего, все ходило благополучно. Только в семье худо стало. Видно, кончилось терпение у жены, она начала упрекать, выговаривать: натворишь, мол, дел — куда я с детьми... Да разве для такой жизни я столько тяжелых лет тебе ждал?

Воронков достал папиросу. Пристыдил. Пальцы его рук мелко вздрогивали. Широко открытыми глазами он пристально смотрел вдаль, сосредоточенно думая.

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к матери...

— Тебе первому моя исповедь за долгие годы. Докатился до самого распоследнего: руки осмелились поднять на жену. Дети стали меня бояться. Я в хате, они в угол или на улицу... Погибала к себе — не идет. Смотрят на меня, моргают глазами, а жмутся к